

Научная статья

УДК 123, 316.42

doi: 10.17223/1998863X/67/7

КАТЕГОРИИ «СУБЪЕКТИВНОСТЬ» И «СУБЪЕКТ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Андрей Александрович Дерябин^{1, 2}, Александр Анатольевич Попов³

^{1, 3} *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Москва, Россия*

^{2, 3} *Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия*

³ *Московский городской педагогический университет, Москва, Россия,*

¹ *deryabin-aa@ranepa.ru, ORCID ID 0000-0002-8454-611X, Scopus Author ID 57340520700*

³ *aktor@mail.ru, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2945-0289>*

Аннотация. Рассматриваются категории субъекта, субъектности и субъективности, применяемые в разных подходах к исследованиям цифровой культуры, в частности, в исследованиях Интернета. Демонстрируются различия в тематическом спектре исследований в парадигме деятельностного подхода и критических исследований и соответствующие им концептуализации субъекта. Приводятся примеры того, как субъективности и субъективации раскрываются в критических исследованиях Интернета, цифрового надзора и медиапотребления. Предлагаются требования относительно основных позиций нередукционистской критической концептуализации субъекта и субъективности в цифровой среде.

Ключевые слова: субъект, субъектность, субъективность, цифровая культура, интернет-исследования, методология, критическая теория, культурно-историческая психология, деятельность

Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Дерябин А.А., Попов А.А. Категории «субъективность» и «субъект» в исследованиях цифровой культуры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 69–79. doi: 10.17223/1998863X/67/7

Original article

THE CATEGORIES OF SUBJECTIVITY AND SUBJECT IN DIGITAL CULTURE RESEARCH

Andrey A. Deryabin^{1, 2}, Alexander A. Popov³

^{1, 3} *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow,
Russian Federation*

^{2, 3} *Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation*

³ *Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation*

¹ *deryabin-aa@ranepa.ru*

³ *aktor@mail.ru*

Abstract. The categories of subject, agency and subjectivity in different approaches to the study of the Internet and digital culture are considered. These terms may have opposite meanings in different historical and academic contexts, placing the “subject” in active or passive voice. In critical theory, the subject and subjectivity cannot be thought without considering the issues of empowerment and oppression, which is a perspective that allows the conceptualization of the subject that is able to take into account cultural and gender differences, historical and situational processes of subjectification, a wide range of ethical issues as a key element of subjectivity. The complex relationships of a person with technological environment are also reflected in the critical studies of the Internet. As a subject of research, “subjectivity” in the above meaning practically does not appear in Russian-language academic literature, in which the concept of the subject as agent (of activity, socialization) prevails, and which accounts for a significant proportion of the Internet studies publications that adhere to the idea of digital technologies as symbolic tools that mediate different forms of activity. An overview of the issue of subjectification as a function of digital surveillance in the context of media consumption and political subjectivity on the Internet shows how the digital environment is intertwined with politics, education, healthcare systems and other institutions and practices. This requires such a conceptualization of subjectivity that avoids the trend to study an individual only as an agent of activity outside normative social systems, not reducing persons to institutional discourses, but taking into account that they interact in a unique way with their emotionality and motivational sphere. The critical concept of the subject should take into account that the digital environment, being a phenomenon much more than merely an activity mediating tool, provides not only new opportunities for the disciplinary construction of the subject, but also those for configuring one’s discursive resources and idiosyncratic subjectivities, allowing a person to take subordinate, negotiated and subversive positions with respect to dominant institutional orders.

Keywords: agency, subject, subjectivity, digital culture, Internet studies, methodology, critical theory, cultural-historical psychology, activity

Acknowledgments: The article was prepared as a part of the state-assigned research work of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

For citation: Deryabin, A.A. & Popov, A.A. (2022) The categories of subjectivity and subject in digital culture research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 67. pp. 69–79. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/67/7

Понятия «субъекта», «субъективации» в философии всегда выходят на передний план в те исторические моменты, когда заново требуется переосмыслить вопросы свободы и подчинения. Кроме того, в обстоятельствах фундаментальных социокультурных сдвигов, связанных с совмещением «реального» и «цифрового» планов существования человека, переопределение требует и понятие «субъективности».

В зарубежной и российской философии и социальных науках содержание понятий субъектности и субъективности имеет существенные различия. Так, Д. Леонтьев [1] предлагает обзор академического употребления «субъект» и «субъектность» в советской и российской психологии и соответствующего последнему термину «агенсу» в англоязычных источниках, означающего способность индивида выступать активным действующим лицом, движущей силой действия. С.И. Голенков описывает трансформацию смысла субъекта в новоевропейской философии и игру М. Фуко с двойным значением термина «субъективность», происходящего от латинского *subjectus* – «подлежащее», «подчиненное» [2, 3]. Уже здесь мы видим, что эти однокоренные термины несут в себе диаметрально противоположные значения в разных историко-академических контекстах, помещающих «субъекта» в активный или в пассивный залог.

Исследования субъективности и субъекта в цифровой культуре весьма различны в разных теоретических подходах. В традиции критической теории субъект и субъективность не могут быть помыслены вне отношений власти и свободы, находящихся в центре этого подхода. М. Бакардиева [4. С. 61] подчеркивает, что «критические интернет-исследования, в отличие от позитивистских и интерпретационных подходов, ищут ответы на нормативные вопросы, касающиеся роли Интернета в расширении прав и возможностей, угнетении, эмансипации, отчуждении и эксплуатации». Критические исследования информационных систем производят «знание с целью выявления и объяснения того, как информационные системы используются для усиления контроля, господства и угнетения и, таким образом, для информирования и вдохновения преобразующих социальных практик, реализующих освобождающий и освободительный потенциал информационных систем» [5. С. 19].

Понятие «субъективность» зачастую используется в них как синоним внутреннего мира человека и, в этом смысле, как противоположность объективности: субъективное значит «не объективное», испытывавшее влияние субъективных представлений, связанных, в свою очередь (но не обязательно вытекающих напрямую из), с социальными практиками и дискурсами. Методологически категория «субъективность» позволяет, с одной стороны, избежать редукции к социальному, а с другой – психологизации со свойственным ей фокусом на индивидуальном психическом субъекте.

Делая исторический обзор философского понятия субъекта, П. Ребугини [6] приходит к выводу, что идея субъекта в настоящее время движется в направлении некой нестрогой онтологизации: свободной от субстанциалистского и эссенциалистского обращения к рациональному или эмоциональному субъекту, но и свободной от «оплакивания автономного субъекта, потерянного в языке». Это направление к концептуализации субъекта, которое способно учитывать культурные и гендерные различия, исторические и ситуативные процессы субъективации, широкий спектр вопросов этики как ключевого элемента субъективности [7], а также сложные отношения человека с технологической средой, что находит свое отражение и в критических исследованиях Интернета (см., например, обзор [8. С. 382]).

Как предмет исследования, «субъективность» в приведенном выше значении практически не появляется в русскоязычной психологии, где преобладают понятия субъекта (деятельности, социализации); на нее приходится львиная доля публикаций по исследованиям цифровой культуры, придерживающихся представления о цифровых технологиях как символических орудиях, опосредствующих разные формы предметной деятельности [9].

Не умаляя объема проделанной с 1980-х гг. исследовательской работы в этом направлении, следует заметить, что соответствующая методологическая база [10], во-первых, будучи психологической теорией, фокусирует исследования на механизмах развития психики и личности, во-вторых, отводит Интернету роль орудия, инструмента, не принимая во внимание его сложность, многомерность и масштабные социальные импликации не только как всепроникающего интерфейса повседневности, но и как глобальной социальной инновации, трансформирующей общества, экономики, культуры, и осмысливаемой человечеством в качестве новой эпохи.

Ф. Гонсалес Рэй, разрабатывающий в рамках культурно-исторического и критического подходов собственную концепцию субъективности, указывает на эти ограничения применимости теории деятельности в более широком социальном подходе, который требуется для исследований цифровой среды и, в частности, Интернета: «Несмотря на культурное, социальное и историческое понимание генезиса и развития психологии человека, советские психологи имели очень узкое понимание культуры и социальной среды. Социальная среда понималась как непосредственные внешние воздействия, исходящие извне, сохраняющие дихотомию между внешними и внутренними операциями. В то же время в отношении культуры Выготский и его последователи главным образом изучали преимущественно роль знака и слова как медиаторов в развитии высших психических функций. Знаки использовались Выготским в инструментальном смысле, вне их значения для коммуникативного акта. Другой рассматривался как элемент поддержки действия, а не как коммуникативный партнер» [11]. Хорошо знакомый с наследием Выготского, с одной стороны, и близкий традиции критической психологии – с другой, Гонсалес Рэй обращает внимание на то, что в культурно-исторической теории не было сделано обращения к более широким репрезентациям символических реальностей – к таким, как *институты*, или к таким социальным конструкциям как пол, раса, социальный класс и другим, организованным как социальные дискурсы, которые включают в себя систему убеждений, моральные кодексы и различные типы институциональных порядков: «Культурно-исторический подход по большей части упускал из виду эти социальные символические конструкции в их переплетении с политикой, образованием, системами здравоохранения, религиями, наукой и другими институционализированными формами социальной жизни» [11].

Отдельный большой массив русскоязычных статей по теме «исследования интернета», который обращает на себя внимание в первую очередь, это публикации преимущественно психолого-педагогической направленности, отражающие тревогу авторов относительно негативных влияний цифровых медиа на психику и социализацию подростков. Эта тенденция, насчитывающая уже 30 лет, в результате которой вектор научных публикаций до недавнего времени был направлен на доказательство вреда интернета и компьютерных игр, не осталась незамеченной в самой среде психологов-исследователей (см., например, критический обзор Н. Кочеткова, посвященный публикациям об интернет- и игровой зависимости в трудах отечественных психологов [12]). Онтологический и эпистемологический статус субъекта в этих работах зачастую не эксплицирован; эта массовость внимания авторов к психопатологическим аспектам новых медиа сама по себе заслуживает анализа, например, с точки зрения объективирующих практик разделения субъекта «на безумца и человека в здравом уме» в традиции М. Фуко [13].

С другой стороны, интернет – масштабный и комплексный предмет для теоретизирования – рассматривается как планетарная инфраструктура повседневного человеческого опыта [32], как основа сетевого общества [14] и его нервная система [15], как пространство производства разнообразия социальных моделей и, стало быть, принципиальный фактор эволюционного развития цивилизации [16]. Все эти темы являются дискуссионными в силу амбивалентного характера предмета. Рассмотрим несколько примеров того, как

вопросы субъективности и субъективации раскрываются в критических исследованиях цифровой среды: интернета как идеала публичной сферы, в исследованиях цифрового надзора и в исследованиях медиапотребления.

В академической литературе с середины 1990-х гг. можно было обнаружить множество сантиментов по поводу перспектив интернета как воплощения открытого форума для обсуждения общественно значимых вопросов социальности, гражданского действия, творчества, публичной сферы и политического участия. Эта тема крайне важна в контексте обсуждения субъективности, так как общественно-политическая жизнь является важной сферой, в которой индивид конституируется как активное, разумное и ответственное существо. Более того, возможно именно политическая субъективация требует от индивида артикулированного самоопределения. В связи с этим многие авторы видят в цифровой культуре позитивный субъективирующий потенциал [17]. Однако исследователям не вполне удалось показать и концептуализировать вышеперечисленные эффекты цифровой среды. Так, Л. Далберг [18], соглашаясь, что Веб может вовлекать граждан в процессы демократизации, отмечает, тем не менее, что до какой степени вовлекать – это открытый вопрос, и центры власти тоже могут использовать его для контроля общества.

М. Кастельс в «Сети возмущения и надежды» [19] и других своих работах проповедует мир, в котором Интернет встряхивает сферу политического и освобождает людей, наделяя их силой для свершения социальных изменений. Координируя свои действия с разными онлайн-инициативами, сетевые социальные движения, по Кастельсу, могли бы противодействовать устоявшемуся порядку, объединяться в транснациональные программы и добиться невиданной ранее подотчетности политических властей рядовым гражданам. В академической среде «Сети возмущения и надежды» подвергались резкой критике, во-первых, за технологический детерминизм. Во-вторых, из-за его одномерного представления об «эпохе Интернета», в которой люди на самом деле означают «пользователей», обреченных на взаимодействие с машинами без возражений или сопротивления. В-третьих, в изложении Кастельса, описывающего «переключение власти» со старой офлайновой власти истеблишмента на новую онлайн-овую, «народную» власть, рядовым гражданам, чтобы ворваться в пространство власти, достаточно пройти по пути от обмена идеями до создания общих смыслов и формирования ассоциаций. Кастельс ищет «автономное» пространство, где общественные движения собираются и добиваются своих целей, и неизбежно социальная сеть предстает как ядро этой новой пространственности. Х. Леви [20] возражает на это Кастельсу, что общественные движения хоть и осуществляются сегодня через приложения и сайты соцсетей, но они по-прежнему должны пройти через борьбу с реальным неравенством, прежде чем станут воплощением наилучших практик социальной связности и власти Интернета.

Соня Ливингстон [21] обобщает дискуссию относительно Интернета и партиципаторных (касающихся гражданского участия) практик, отвечая на вопрос: что говорят нам данные о том, можно ли (и при каких условиях) использовать Интернет для обеспечения политического участия или преодоления политической апатии молодежи. Как правило, сочетание новых медиа и альтернативной политики кажется особенно действенным для тех индивидов

и сообществ, которые в эту деятельность уже с энтузиазмом вовлечены (актуальным российским примером может быть история студенческого общественно-политического журнала DOXA), в отличие от остальных, занявших позицию не общественного активизма, но бездействия и недоверия. Вопреки популярным рассуждениям, обвиняющим молодых людей в апатии и отсутствии мотивации, по мнению С. Ливингстон, дело, по-видимому, в другом: дети слишком рано узнают, что их мнение мало кого интересует. Поэтому надежды на то, что Интернет дает им шанс наконец-то высказать свое мнение, упускают самую суть: проблема вовсе не в том, что у молодых людей нет подходящего медийного «рупора», а в том, что их никто не слушает. Это провал эффективной коммуникации между молодежью и теми, кто стремится вовлечь ее в политическую активность, а также провал гражданских и властных институтов, которые должны выстраивать для молодежи соответствующие структуры и практики политической субъектности.

Одна из самых хорошо исследованных [22] социально-философских проблем существования человека в цифровом мире – это цифровой надзор, в исследованиях которого применяется, в частности, марксистский (главным образом, применительно к анализу «квантифицированного Я» и цифрового труда) [23] и фуколдианский анализ [24]. Ряд исследователей рассматривают применение отслеживающих устройств на рабочем месте как субъективирующую практику, в которой работник интернализирует императив производительности труда и совмещает в своем «Я» надзирающего менеджера и исполнительного пролетария [31]. Однако если в краткосрочной перспективе технологи квантификации и производственного надзора позволяют работодателям и работникам выживать в жесткой конкуренции, то в долгосрочной можно говорить по меньшей мере об ухудшении благополучия работников, находящихся в режиме постоянной мобилизации и наблюдения, которые вызывают тревожность, переутомление и выгорание.

В работах М. Фуко это вопрос паноптического надзора и дисциплинарной власти [25]. Любопытно, что Фуко иллюстрировал возникновение современных форм управления и надзора на материале породившей дисциплинарные проекты пандемии чумы, и в период пандемии COVID-19 его анализ остается актуальным [26]. Как форма социального контроля, паноптикум способствует ощущению людьми того, что они находятся под постоянным наблюдением и, подчиняясь нормативным ожиданиям, они становятся своими собственными агентами наблюдения. Фуколдианский анализ представляет собой концептуальную рамку, которая подходит для анализа наблюдения за пользователем в цифровом мире – технически, через Интернет и другие сети множество агентов идентифицирует, отслеживает и анализирует поведение пользователя. В обстоятельствах запрета на доступ к определенным источникам информации или ограничения передвижения (как в период пандемии) вопросы надзора, власти и подчинения встают более остро, проявляя для индивида до этого латентные вопросы дисциплинарной власти. Например, в случае обращения к заблокированному источнику информации индивид знает, что многие его действия фиксируются, но зачастую не знает (принципиальное обстоятельство паноптикума, по Фуко), какие точно, в каком объеме, будет ли он за это наказан и как именно. Или, возвращаясь к практикам надзора во время пандемии, когда инфицированный обязан был устано-

вить себе на смартфон приложение слежки «Социальный мониторинг», индивид не знает, когда к нему придет запрос сделать фотографию и когда приложение фиксирует его местонахождение, но отклонение от предписания сделать «селфи» или подтвердить нахождение в месте изоляции влечет за собой большой штраф. Это невидимое надзирание и неясная угроза санкций, со временем воспринимаемые как норма, заставляют индивида самодисциплинироваться – например, прибегать к практикам сокрытия своей идентичности и применению специальных технических средств при обращении к заблокированным источникам информации либо отказаться от них вовсе. В подобной игре практик подчинения и освобождения (в примере выше: отказ от заблокированной информации vs. обход блокировки), или, как пишет Фуко, в отношениях «непрерывного взаимного провоцирования» власти и свободы и складывается субъект, а сам процесс является субъективацией [27].

«Цифра» не только дала человечеству доступные средства самовыражения своего мнения и творческого потенциала, но сделала и пассивное потребление еще более доступным. В качестве свидетельства можно привести слова из блога одного российского интернет-маркетолога: «Руководители проектов, собственники и их услужники-маркетологи... все поголовно считают, что их целевая аудитория потребляет в интернете возвышенный, стерильный, дистиллированный, пастеризованный контент. Но вот что я скажу: такие ваши убеждения – полная [ерунда]. У нас две трети страны – нищие <...>, в кредитах-перекредитах, с IQ ниже нормальной человеческой температуры тела и с интересами по жизни, как у приматов: пожрать <...>, полистать ленту „ВКонтакте“, поорать над видюхами на YouTube...» [29]. Находя в сегодняшнем дне параллели с тем, как Ортега-и-Гассет в «Восстании масс» описывает социальные последствия прогресса в первой половине XX в., А. Мирошниченко [28] отмечает, что в XXI в. Интернет освободил культурные и политические претензии массового человека, к выражению этих претензий никак не подготовленного. Положительный демократизирующий эффект Интернета с начала 1990-х гг сопровождался ростом интернет-потребления, расширяющегося вниз по социальной пирамиде, способствуя не только росту гражданской активности, но и росту реакционизма, охранительства [30], а также массовидными эффектами социальной поляризации.

Приведенный выше краткий обзор проблематики субъективации как функции цифрового надзора и медиапотребления, политической субъектности в интернете демонстрирует то, как цифровая среда переплетена с политикой, образованием, системами здравоохранения и другими институтами и практиками. Это диктует необходимость такой концептуализации субъективности, которая позволяет избежать тенденции исследовать индивида только как агента деятельности вне нормативных социальных систем, одновременно не редуцируя человека к институциональным дискурсам, но учитывая, что они уникальным образом взаимодействуют с его эмоциональностью и мотивационной сферой. Критическая концепция субъекта должна учитывать, что цифровая среда, являясь феноменом много большим, чем просто инструмент, опосредующий деятельность, предоставляет не только новые возможности дисциплинарного конструирования субъекта, но и возможности для конфигурирования им собственных дискурсивных ресурсов и идиосинкратических субъективностей, позволяющих занимать не только субординантные, но так-

же компромиссные и субверсивные позиции относительно доминирующих институциональных порядков.

Список источников

1. Леонтьев Д.А. Что дает психологии понятие субъекта. Субъектность как измерение личности // Эпистемология и философия науки. Т. 25, № 3. С. 136–153. doi: 10.5840/eps201025361
2. Голенков С. И. Судьба субъекта в новоевропейской философии / *Mixtura verborum* 2008: небытие в маске : сборник статей / под общ. ред. С.А. Лишаева. Самара : Самар. гум. акад., 2008. С. 35–43.
3. Голенков С.И. Понятие субъективации Мишеля Фуко // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2007. № 1. С. 54–66.
4. Bakardjieva M. The Internet in Everyday Life: Exploring the Tenets and Contributions of Diverse Approaches // *The Handbook of Internet Studies* / eds. M. Mia Consalvo, C. Ess. Chicester : Wiley. P. 59–82.
5. Cercez-Kecmanovic D. Basic Assumptions of the Critical Research Perspectives in Information Systems // *Handbook of Critical Information Systems Research* / eds. D. Howcroft, E.M. Trauth. Cheltenham : Edward Elgar, 2005. P. 19–46.
6. Rebughini P. Subject, subjectivity, subjectivation // *Sociopedia.isa*. 2014. 1–11. URL <https://perma.cc/2CYD-7A9P>
7. Rebughini P. Subject, subjectivity, subjectivation between autonomy and ethics: Reply to the commentaries // *Sociopedia.isa*. 2015. doi: 10.1177/20568460027
8. Рыков Ю., Нагорный О. Область интернет-исследований в социальных науках // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16, № 3. С. 366–394.
9. Войскунский А.Е. Направления исследований опосредствованной Интернетом деятельности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2017. № 1. С. 51–66.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975.
11. González Rey F. Subjectivity and discourse: Complementary topics for a critical psychology // *Culture & Psychology*. 2019. Vol. 25 (2). P. 178–194. doi: 10.1177/1354067X18754338
12. Кочетков Н.В. Интернет-зависимость и зависимость от компьютерных игр в трудах отечественных психологов / Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, №1. С. 27–54. doi: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110103>
13. Фуко М. Субъект и власть // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2006. Ч. 3. С. 161.
14. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000.
15. Van Dijk J. The network society. London : Sage, 2012.
16. Асмолов Г.А., Асмолов А.Г. Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 3–28.
17. Wulf C. The Formation of the Subject in the Digital Culture: Some Considerations, Hypotheses and Research Results Concerning the Education of Young People. 2019. doi:10.2139/ssrn.3656659
18. Dahlberg L. Re-Constructing Digital Democracy: An Outline of Four 'Positions. *New Media & Society*. 2011. doi:13.10.1177/1461444810389569.2011
19. Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. 2nd edition. Polity, 2015.
20. Levy H. Book Review: Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age by Manuel Castells // LSE Review of Books, 04/01/2016. URL <https://bit.ly/3vi5ESD>
21. Livingstone S. Internet, children and youth / M. Consalvo, C. Ess. *The Handbook of Internet Studies*. Oxford: Wiley-Blackwell Publishing, 2011. P. 348–368
22. Григорьева К.С. Исследования надзора: основные направления и теоретические подходы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 477–505. doi:10.14515/monitoring.2021.6.1883
23. Fuchs C. Karl Marx in the Age of Big Data Capitalism // *Digital Objects, Digital Subjects: Interdisciplinary Perspectives on Capitalism, Labour and Politics in the Age of Big Data* / eds. D. Chandler, C. Fuchs. London : University of Westminster Press, 2019. P. 53–71. doi: 10.16997/book29.d
24. McKinlay A., Taylor P. Foucault, Governmentality, and Organization: Inside the Factory of the Future. New York ; London : Routledge, 2014. P. 8.

25. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ад Маргинем Пресс : Музей современного искусства «Гараж», 2021. 384 с.
26. Couch D.L., Robinson P., Komisaroff P.A. COVID-19 – Extending Surveillance and the Panopticon // *Journal of Bioethical Inquiry*. 2020. Vol. 17. P. 809–814. doi:10.1007/s11673-020-10036-5
27. Фуко М. Возвращение морали // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2006. Ч. 3. С. 284.
28. Miroshnichenko A. The Emancipation of Authorship: The Viral Editor as a Dispersed Creature of the Internet // *Journalism and Mass Communication*. February. 2012. Vol. 2, № 2. P. 363.
29. Торишинский сайт. 2016. URL: <https://torshina.me/vasha-czelevaya-auditoriya> (дата обращения: 15.12.2021).
30. Мирошниченко А. Интернет и протесты – какая связь между ними? // Colta.ru. 2015. URL <https://www.colta.ru/articles/media/8987> (дата обращения: 15.12.2016).
31. Moore P., Robinson A. 'The Quantified Self: What Counts in the Neoliberal Workplace', *New Media and Society*. 2016. 18 (11). P. 2774–2792. doi: 10.1177/1461444815604328
32. Ловинк Г. Критическая теория интернета. М. : Ад Маргинем Пресс : Музей современного искусства «Гараж», 2019. 304 с.

References

1. Leontiev, D.A. (2010) Chto daet psikhologii ponyatie sub"ekta. Sub"ektnost' kak izmerenie lichnosti [What gives to psychology the concept of the subject. Subjectivity as a dimension of personality]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 25(3). pp. 136–153. DOI:10.5840/eps201025361
2. Golenkov, S.I. (2008) Sud'ba sub"ekta v novoevropeyskoy filosofii [The fate of the subject in modern European philosophy]. In: Lishaev, S.A. (ed.) *Mixtura verborum'2008: nebytie v maske* [Mixtura Verborum'2008: Non-Existence in a Mask]. Samara: Samara Academy for the Humanities. pp. 35–43.
3. Golenkov, S.I. (2007) Ponyatie sub"ektivatsii Mishelya Fuko [Michel Foucault's concept of subjectivation]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya*. 1. pp. 54–66.
4. Bakardjieva, M. (2011) The Internet in Everyday Life: Exploring the Tenets and Contributions of Diverse Approaches. In: Consalvo, M. & Ess, C. (eds) *The Handbook of Internet Studies*. Chicester: Wiley. pp. 59–82.
5. Cecez-Kecmanovic, D. (2005) Basic Assumptions of the Critical Research Perspectives in Information Systems. In: Howcroft, D. & Trauth, E.M. (eds) *Handbook of Critical Information Systems Research*. Cheltenham: Edward Elgar. pp. 19–46.
6. Rebughini, P. (2014) Subject, subjectivity, subjectivation. *Sociopedia.isa*. 1–11. [Online] Available from: <https://perma.cc/2CYD-7A9P>
7. Rebughini, P. (2015) Subject, subjectivity, subjectivation between autonomy and ethics: Reply to the commentaries. *Sociopedia.isa*. DOI: 10.1177/20568460027
8. Rykov, Yu. & Nagornyy, O. (2017) Internet Studies in Social Sciences. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 16(3). pp. 366–394. (In Russian).
9. Voyskunskiy, A.E. (2017) Napravleniya issledovaniy oposredstvovannoy Internetom deyatelnosti [Directions of research mediated by the Internet activity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya – The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*. 1. pp. 51–66.
10. Leontiev, A.H. (1975) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat.
11. González Rey, F. (2019) Subjectivity and discourse: Complementary topics for a critical psychology. *Culture & Psychology*. 25(2). pp. 178–194. DOI: 10.1177/1354067X18754338
12. Kochetkov, N.V. (2020) Internet addiction and addiction to computer games in the work of Russian psychologists. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*. 11(1). pp. 27–54. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110103>
13. Foucault, M. (2006) *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yū* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews]. Vol. 3. Translated from French. Moscow: Praxis. p. 161.
14. Castells, M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information Age: Economics, Society and Culture]. Translated from English. Moscow: HSE.
15. Van Dijk, J. (2012) *The Network Society*. London: Sage.

16. Asmolov, G.A. & Asmolov, A.G. (2019) Internet kak generativnoe prostranstvo: istoriko-evolyutsionnaya perspektiva [The Internet as a generative space: a historical and evolutionary perspective]. *Voprosy psikhologii*. 4. pp. 3–28.
17. Wulf, C. (2019) The Formation of the Subject in the Digital Culture: Some Considerations, Hypotheses and Research Results Concerning the Education of Young People. *Azimuth : Philosophical Coordinates in Modern and Contemporary Age*. 14(2). DOI: 10.2139/ssrn.3656659
18. Dahlberg, L. (2011) Re-Constructing Digital Democracy: An Outline of Four 'Positions. *New Media & Society*. 13(6). pp. 855–872. DOI: 13.10.1177/1461444810389569.2011
19. Castells, M. (2015) *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. 2nd ed. Polity.
20. Levy, H. (2016) Book Review: Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age by Manuel Castells. *LSE Review of Books*. April 1, 2016. [Online] Available from: <https://bit.ly/3vi5ESD>
21. Livingstone, S. (2011) Internet, children and youth. In: Consalvo, M. & Ess, C. (eds) *The Handbook of Internet Studies*. Chichester: Wiley. pp. 348–368
22. Grigorieva, K.S. (2021) Surveillance Research: Main Areas and Theoretical Approaches. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 6. pp. 477–505. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.1883
23. Fuchs, C. (2019) Karl Marx in the Age of Big Data Capitalism. In: Chandler, D. & Fuchs, S. (eds) *Digital Objects, Digital Subjects: Interdisciplinary Perspectives on Capitalism, Labour and Politics in the Age of Big Data*. London: University of Westminster Press. pp. 53–71. DOI: 10.16997/book29.d
24. McKinlay, A. & Taylor, P. (2014) *Foucault, Governmentality, and Organization: Inside the Factory of the Future*. New York; London: Routledge. pp. 8.
25. Foucault, M. (2021) *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tyur'my* [Supervise and Punish. The Birth of the Prison]. Translated from French. Moscow: Ad Marginem Press: Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh".
26. Couch, D.L., Robinson, P. & Komesaroff, P.A. (2020) COVID-19 – Extending Surveillance and the Panopticon. *Journal of Bioethical Inquiry*. 17. pp. 809–814. DOI: 10.1007/s11673-020-10036-5
27. Foucault, M. (2006) *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'y* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews]. Vol. 3. Translated from French. Moscow: Praxis. p. 284.
28. Miroshnichenko, A. (2012) The Emancipation of Authorship: The Viral Editor as a Dispersed Creature of the Internet. *Journalism and Mass Communication*. 2(2). pp. 363.
29. Torshina.me. (2016) *Torshinskiy sayt* [The Torshina site]. Update: January 12, 2016. [Online] Available from: <https://torshina.me/vasha-czelevaya-auditoriya> (Accessed: 15th December 2021).
30. Miroshnichenko, A. (2015) *Internet i protesty – kakaya svyaz' mezhdu nimi?* [Internet and protests – how are they connected?]. [Online] Available from: <https://www.colta.ru/articles/media/8987> (Accessed: 15th December 2016).
31. Moore, P. & Robinson, A. (2016) 'The Quantified Self: What Counts in the Neoliberal Workplace'. *New Media and Society*. 18(11). pp. 2774–2792. DOI: 10.1177/1461444815604328
32. Lovink, G. (2019) *Kriticheskaya teoriya internet* [Critical Theory of Internet]. Translated from English by P. Torkanovskiy, D. Lebedev. Moscow: Ad Marginem Press: Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh".

Сведения об авторах:

Дерябин А.А. – научный сотрудник Федерального института развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия); ассистент кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: deryabin-aa@ranepa.ru ORCID ID 0000-0002-8454-611X, Scopus Author ID 57340520700.

Попов А.А. – доктор философских наук, доцент, заведующий научно-исследовательским сектором «Открытое образование», Научно-исследовательский центр социализации и персонализации образования детей Федерального института развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия); заведующий лабораторией компетентностных практик образования, Научно-исследовательский институт урбанистики и глобального образова-

ния Московского городского педагогического университета (Москва, Россия); ведущий научный сотрудник «Школы антропологии будущего», Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия); профессор кафедры социологии и массовых коммуникаций Гуманитарный факультет Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: aktor@mail.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2945-0289>.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Deryabin A.A. – researcher at Federal Institute for Education Development, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation); research assistant at the Department of Sociology and Mass Communication, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: deryabin-aa@ranepa.ru ORCID ID 0000-0002-8454-611X, Scopus Author ID 57340520700.

Popov A.A. – Dr. Sci. (Philosophy), associate professor, head of the Open Education research sector, Research Center for Socialization and Personalization of Children's Education of the Federal Institute for the Development of Education of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation); head of the Laboratory of Competence Practices of Education, Research Institute of Urbanism and Global Education of Moscow City University (Moscow, Russian Federation); leading researcher of the School of Anthropology of the Future, Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation); professor of the Department of Sociology and Mass Communications, Faculty of Humanities of Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: aktor@mail.ru ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2945-0289>.

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.05.2022;
одобрена после рецензирования 07.06.2022; принята к публикации 11.07.2022
The article was submitted 04.05.2022;
approved after reviewing 07.06.2022; accepted for publication 11.07.2022*